

Я ничего не боюсь. Идентификация ужаса

Автор:

Зигмунд Фрейд

Я ничего не боюсь. Идентификация ужаса

Жан Делюмо

Джеймс Фрезер

Зигмунд Фрейд

Клинические рассказы

Большинство людей на вопрос о том, чего они больше всего боятся, отвечают: «Я ничего не боюсь». Такой ответ не соответствует действительности, поскольку каждый из людей в то или иное время испытывает какой-нибудь страх. Одни из самых навязчивых страхов – страхи перед иррациональными и потусторонними силами. Жан Делюмо и Джеймс Фрезер в своих работах анализируют именно такие страхи, характерные для всей истории человечества.

Ужас перед призраками, живыми мертвецами, ведьмами и колдунами, дьяволом и демонами долгое время господствовал в обществе, продолжает он жить и сейчас. Жан Делюмо и Джеймс Фрезер с разных точек зрения показывают эволюцию этого ужаса, делают попытку идентифицировать его, а также выяснить причины его необыкновенной устойчивости.

Зигмунд Фрейд, Жан Делюмо, Джеймс Фрезер

Я ничего не боюсь. Идентификация ужаса

Введение

Большинство людей на вопрос о том, чего они больше всего боятся, отвечают: «Я ничего не боюсь». Такой ответ не соответствует действительности, поскольку каждый из людей в то или иное время испытывает какой-нибудь страх.

Миллионы людей в течение всей своей жизни подвержены страхам. Они живут в постоянном нервном напряжении. Их нервная сила истощена. И в какой-то момент наступает нервный срыв.

Страхи воздействуют и на материальную, и на духовную стороны жизни. Страх мешает человеку удовлетворять свои основные жизненные потребности – обеспечивать себя пищей, кровом, одеждой. Страх разрушает в человеке такие качества, как инициатива, энтузиазм, честность. Он подрывает уверенность в себе и душирует воображение. Страх делает человека жадным, беспечным, брюзгливым, подлым, жестоким и раздражительным в отношении с другими людьми.

Страх опасен тем, что он живет в подсознании человека, где его нелегко обнаружить. Если страх проявляет себя острой головной болью, то он более подавлен, потому что в таких случаях от него можно как-то избавиться. Но чаще всего он подкрадывается к человеку, как вор в ночи, проникая в мозг и мешая ему нормально функционировать.

Страх заключается в чувстве внутренней напряженности, непосредственной опасности для жизни в ожидании угрожающих событий, действий. Все, что нас окружает и что окружено нами, – страховоопасно. Он расширяет зрачки («у страха глаза велики»), не знает прищур, входя или исходя через нас, оставляет следы-запятые, вплоть до дрожания рук, коленок и заикания. И даже афазии, эпилептической контрактуры. Но где он сам?

Страх – стремнина аффекта, стеснение дыхания. Фрейд исходит из этимологии: angst – angustiae – «теснота», «теснина». Стесняющие обстоятельства, родовая травма, страх не родиться, не прорваться на свет из стесняющей материнской утробы (слышится – гроба). Этот ужас нерождения или смерти до жизни учреждает нашу психику и в страхе возобновляем.

Но страх может быть и заказан. Операторы страха надежны. В структуре страха нет места сбоям. К числу патологических страхов относятся такие, которые

характеризуются отсутствием психологической обоснованности или чрезмерной интенсивностью, длительностью, не соответствующих силе вызвавшей их причины...

Страх охраняет прерывность, но, гранича с бесстрашием непрерывности, хочет себя прервать в пользу сверхчеловеческого. Страх – «скованная свобода», отсроченная. Любим поэтому и лелеем свой страх в мечтательном мареве собственных дней. Рождены в страхе и страх порождает. Не отнять у ребенка жадного вхождения в страх, в приключения ужасные и загадочные, сладостное превозможение, утреннее пробуждение после жуткого сна. Страх разрешает попробовать еще раз. Страх ведет к повторению, повторению удовольствия. Самое что ни на есть жизненное. Но и чреват различием, изменением до неузнаваемости. В мутной глубине страха – смерть, ничто.

В глубине нашего страха – страх фундаментальный, ужас по Хайдеггеру. Нечто родовое. Общечеловеческая родина и рана. Ничто. В ностальгически страшном зове пребывает наша сущность, отпущенная родиной в «чистое присутствие» с целью себя явить. Отпущенная с одной (не своей) целью, сущность человеческая блуждает в поиске собственного утверждения и смысла, но пустота вокруг. Оставленная нами фактом рождения не оставляет нас. Брошенная позади уже обернулась и грозит из будущего с первых же пульсаций самосознания, фигур мышления, а главное, с первых столкновений со смертью.

«Человеческий ум не только вечная кузница идолов, но и вечная кузница страхов» (Кальвин). Каждый – кузнец своих страхов своей пустоты. Нужен аффект, катастрофа, чтобы вызволить из пустоты контур видения. Чем сильнее страх, тем круче, чем безысходней пустота, тем ярче вспышка фантома. Дозы страха и пустоты растут, достигая опасной зоны регрессии, в которой приоткрывается пустота страха в своей депрессивной бесчеловечности.

А. Демичев

Живые мертвецы и привидения

(Из книги Ж. Делюмо «Ужасы на Западе»)

)

...Раньше полагали, что прошлое не исчезает по-настоящему, оно в любой момент может вернуться и угрожать жизни. В общественном сознании не было четкого разделения между жизнью и смертью. Еще в XVII веке юристы рассуждали о том, может ли на трупе выступить кровь в присутствии убийцы, выдав его таким образом правосудию. Так, в своем «Трактате о появлении духов», изданном в 1600 году, теолог монах Ноэль Тайельс категорично заявляет: «Если разбойник приблизится к телу человека, которого он порешил, мертвец покрывается пеной, потом и проявляет некоторые другие признаки».

В манускрипте XV века рассказывается, что некий человек имел привычку, проходя мимо кладбища, читать молитву за упокой усопших. Однажды на него напали его самые лютые враги. Он бросился бежать к кладбищу, и мертвецы поднялись из могил на его защиту, каждый был вооружен тем орудием труда, которым он пользовался при жизни. Увидев все это, нападавшие убежали в ужасе и изумлении. Вскоре в одной из хроник появляется подобная история: некий священник ежедневно читал псалом «Из бездны взываю к тебе, Господи». Завистники, считая это дело слишком прибыльным, донесли на него епископу. Тот повелел запретить эту службу. Но однажды, когда он был на кладбище, на него набросились мертвецы. Для своего спасения епископ обещал им разрешить мессу по умершим.

Конечно, это не что иное, как свидетельство веры в загробную жизнь. В связи с этим можно задаться вопросом по поводу тени отца Гамлета у Шекспира и ожившей статуи Командора у де Молина: как воспринимали зрители того времени этих персонажей – как фантазию авторов или же как существующую реальность? И уж совсем категоричен по поводу загробной жизни теолог Ноэль Тайепье:

«Когда дух умершего появится в доме, собаки жмутся к ногам хозяина, потому что они сильно боятся духов. Случается, что с постели сдернуто одеяло и все перевернуто вверх дном или кто-то ходит по дому. Видели также огненных людей, пеших и на коне, которых уже похоронили. Иногда погибшие в битве, равно как и мирно почившие у себя в доме, звали своих слуг, и те узнавали их по голосу. Часто ночью духи ходят по дому, вздыхают и покашливают, а если их спросить, кто они, то называют свое имя».

Возможность появления привидений интерпретировалась двояко. «Толкование привидений «по горизонтали» (согласно Е. Ле Руа-Ладюри, известному в свое время естествоиспытателю), в сущности, базировалось на вере в загробную жизнь двойника» (по выражению Е. Морена): усопший – телом и душой – продолжает некоторое время жить и может возвращаться на место своего земного обитания. Другая концепция, трансцендентная, «по вертикали» разрабатывалась официально теологами того времени и пыталась объяснить привидения (это слово, кстати, не употреблялось в то время) игрой воображения и спиритических сил. Аргументацию этого феномена, представленную в обширных трудах Пьера Ле Луайе, можно найти у всех демонологов того времени. Сначала проводится грань между фантомом и призраком. Первый – это плод больного и меланхолического воображения, возникающий вследствие самовнушения и не отражающий действительность. Второй – наоборот – плод здорового воображения в виде бестелесной субстанции, которая предстает перед перепуганными людьми наперекор всем законам природы.

* * *

Но у церкви появляется новый противник в этом вопросе, которого следует уничтожить, – это протестантство. Цюрихский пастор Лоис Лаватер в своем сочинении, изданном в 1571 году, вообще отрицает возможность появления на Земле душ умерших. Это отрицание является следствием отрицания реформаторской церковью чистилища. Лаватер рассуждает так: есть только два места – рай и ад, куда попадают души умерших. Попавшие в рай не испытывают надобности в помощи живых, а те, кто попал в ад, никогда оттуда не выйдут, и им уже ничем нельзя помочь. Отчего же душам умерших противиться своей участи: одним – покоя, другим – мучений?

Католикам оставалось лишь саркастически не признавать подобные рассуждения. В свою очередь, они пытаются логически обосновать верование древних в присутствие усопших среди живых и ищут подтверждение этому в Священном Писании и свидетельствах св. Августина и св. Амбруаза. Господь может разрешить умершим появиться в своем прежнем облике среди живых. Он может также позволить ангелам, летающим между небом и землей, принять людской облик. В этом случае их тела не что иное, как сгущенный воздух. Что касается демонов, то и они могут появляться среди людей, создавая себе тело из воздуха, подобно ангелам, или же вселяясь в тела умерших и во всякую падаль. Это поверье объясняет стихи Ронсара и Дю Белле, где говорится о колдунье на кладбище, а также стихи Агриппы д'Обинье, посвященные некой

Эрини. Этот персонаж олицетворяет ведьм вообще и самую одиозную из них – Екатерину Медичи.

«Ночью она по жутким кладбищам блуждает. Могилы истлевших мертвецов без страха отверзает. Затем, вдохнув в останки силу дьявола, ужасным призракам ходить повелевает».

Все эти появления духов происходят по воле Божьей и во благо живых. Если в теоретическом плане возможность жизни после смерти была отброшена как ошибочная, то в богословии она вновь заняла свое место. Души усопших могут появляться среди живых, чтобы донести до них спасительную весть. Призраки приходят просить у Церкви милости молиться за них и выволить их из геенны или же ходатайствовать о лучшей жизни для живых.

Показательна в этом плане Книга заклинаний середины XV века (около 1450 года) настоятеля из Турнэ. В ней содержится, кроме прочего, два опросника, предназначенных для окаянных душ и душ из преисподней.

«Душе из чистилища:

1. Чей ты есть (или был) дух?
2. Долго ли ты находишься в преисподней?..
3. Что было бы тебе на пользу?
4. Почему ты появился здесь и почему ты появляешься здесь чаще, чем в других местах?
5. Если ты добрый дух, страждущий Божьей милости, почему ты принимаешь, как свидетельствуют, обличье разных зверей и животных?
6. Почему ты появляешься в определенные дни?

Окаянной душе:

1. Чей ты есть (или был) дух?

2. Почему ты осужден на вечные муки?
3. Почему ты приходишь, как свидетельствуют, чаще всего на это место?
4. Будешь ли ты запугивать живых?
5. Желает ли ты проклятия странникам? (Все мы на этом свете странники.)
6. Что ты выбираешь: небытие или муки в геенне?
7. Какие адские муки самые страшные?
8. Является ли проклятие, то есть лишение зреть Господа Бога, более мучительным, чем чувственные страдания?»

* * *

Богословский спор о привидениях проливает свет на этнографию другого поверья, распространенного в классической Европе. Это поверье сводится к следующему: после кончины умершие в течение какого-то времени продолжают жить примерно так же, как и до смерти. Они возвращаются в свой дом, иногда чтобы навредить. В Моравии считается вполне обычным видеть душу умершего за столом в компании своих знакомых. Не произнося ни слова, он кивком головы указывает на того, кто непременно должен умереть следующим. Умершего следует откопать и сжечь, чтобы избавиться от его привидения. В некоторых районах Богемии от привидений, пугающих деревенских жителей, избавлялись так умерших, на которых пало подозрение, откапывали и пригвозждали колом к земле. В Силезии полагали, что призраки бывают ночные и дневные. Вещи, которые им принадлежали, начинают перемещаться сами по себе. Единственный способ избавиться от этих привидений – это обезглавить и сжечь умершего, чьим призраком они являются.

В Сербии привидения бывают вампирами, пьющими кровь из шеи своей жертвы, которая умирает от изнеможения. Когда откапывают могилу умершего, которого подозревают в загробных злодеяниях, то находят их как живыми, с «алой» кровью. Им отрубают голову, обе части тела вновь кладут в могилу и заливают

ее гашеной известью.

В конце 1700 года жителей Микен охватила паника. Некий крестьянин, известный своим злобным и вздорным нравом, был таинственным образом убит. Покинув могилу, он стал возмущать спокойствие острова. Десять дней спустя после похорон при всем народе его откопали, мясник не без труда вырвал ему сердце, и оно было сожжено на площади. Но привидение продолжало наводить ужас на жителей острова. Священники говели, провели крестный ход. Тело умершего снова откопали, положили на повозки, и оно стало биться и вопить. Наконец его сожгли, и тогда прекратились «злодеяния привидения».

Страх вампиров был распространен в Румынии, стране Дракулы. Английский путешественник отмечает в 1828 году: «Если человек умирает насильственной смертью, на месте его гибели воздвигают крест, чтобы погибший не превратился в вампира».

В начале XVIII века некий монах при посещении небольшой епархии Сенез с тревогой заметил, что в горах практикуется ставить на могилу умершего облатки и молоко в течение года после смерти.

Приехав в 1794 году в Финистер, Камбри отмечает: «Как здесь полагают, в полночь мертвецы поднимают веки. Никто не осмелится в округе мести пол ночью. Считается, что этим выметают из дома счастье, что ночью усопшие ходят по дому и что метлой их можно задеть и прогнать». Бретань, с точки зрения изучения места привидений в прошлой цивилизации, представляет большой интерес. «Не успели вбить последний гвоздь в крышку гроба умершего, как его уже видели стоящим около изгороди своего дома», – пишет Браз в «Легенде о смерти» и далее уточняет: «Усопший сохраняет свою материальную форму, внешность, характер, а также повседневную одежду. Раньше в этой провинции считалось, что днем земля принадлежит живым, а ночью мертвым. Кроме того, в Бретани верили, что усопшие составляют особое сообщество, носившее имя «Анаон», где множественность означает коллективное единство. Его члены пребывают на кладбище, но под покровом ночи они возвращаются на место своего земного обитания. Именно поэтому нельзя подметать пол ночью. Души умерших собираются три раза в год: под Новый год, вечером на Святого Иоанна и вечером праздника всех Святых – в эти дни можно видеть, как процессии привидений направляются к месту сбора. Особая роль отводилась «Анку» – последнему умершему в этом году человеку, который весь следующий год был «жнецом» и с косой смерти за плечами собирал свой жуткий урожай, увозя его

на скрипящей повозке.

* * *

Среди сложных, вернее, противоречивых ритуалов поведения по отношению к умирающему и умершему многие безусловно продиктованы сверхъестественным страхом. К примеру, во многих местах был распространен обычай выливать воду из сосудов в доме или хотя бы в комнате покойника. Это действие рассматривалось церковниками как нехристианское; так, в Бразилии инквизиция находила в этом обычае доказательство неверности адептов христианству и возврат к иудаизму. Что же означал этот обычай? Возможно, то, что душа, омыв себя водой, перед тем как отлететь на небо, загрязнит грехами воду, находящуюся в доме. Или же этим действием хотели не дать душе утонуть, если ей вздумается попить или посмотреться в воду. Не по этой ли причине закрывают зеркала в доме покойника?

Оба объяснения приемлемы. Во всяком случае, считалось, что необходимо облегчить кончину, чтобы душа усопшего не задерживалась в нем. В Перше во времена священника Ж.-Б. Тьера кровать умирающего ставили вдоль потолочных балок, чтобы они не мешали уходу из жизни. В Берри у кровати умирающего раскрывали полог. В Лангедоке в крыше дома вынимали черепицу, чтобы не мешать полету души, или с той же целью на лицо умершего капали воск и масло.

В обычаях, связанных с привидениями, много противоречий: одни из них служат для того, чтобы облегчить привидению поиски дороги домой; другие же, наоборот, направлены на то, чтобы помешать привидению найти дорогу домой или на свое поле. Но и те и другие предполагают загробную жизнь. В Перше во время похоронной процессии на перекрестках ставили кресты, чтобы покойник не заблудился по дороге домой. В вандейском местечке Бокаж – камень, и на этот раз тоже для того, чтобы усопший быстрее нашел дорогу к себе домой.

А вот другой, довольно распространенный во Франции обычай – класть монету в гроб или прямо за щеку покойника – имеет обратное значение. Здесь речь не идет о плате Харону, это означает скорее плату за имущество умершего: имущество приобретается добрым и должным образом, и у покойника нет причин возвращаться к себе и оспаривать свое состояние. В Бретани, едва гроб устанавливается на «камне мертвых», катафалк разворачивают и гонят коней

прочь от этого места, чтобы усопший не успел вскочить на повозку и вернуться домой.

А обычай устанавливать на могилах и усыпальницах тяжелые надгробия – может стать, это тоже способ, часто бесполезный, помешать мертвым вторгаться в мир живых? А траурное одеяние, не ставит ли оно целью убедить усопших в том, что о них помнят? И поскольку это демонстрируется так очевидно, то у них нет причин ревновать ближних и досаждать им в этом мире...

Обычаи, продиктованные страхом перед мертвыми, могут быть сопоставлены с обычаями того же значения у других цивилизаций, отдаленных от нашей во времени и в пространстве. По этому поводу Л.-В. Тома пишет:

«В Древней Греции фантомы имели право на трехдневное пребывание в городе. На третий день всех духов приглашали войти в дом. Им подавали специально приготовленную похлебку. Затем, когда считалось, что они утолили голод, им строго говорили: «Дорогие духи! Вы наелись и напились, а теперь выходите в дверь».

«В Африке, чтобы помешать возвращению некоторых покойников, труп увечили: ломали ноги, вырывали ухо или отрубали руку, потому что считалось, что физическое увечье не позволит умершему выйти из могилы. Что же до порядочных людей, то тут нужно действовать иначе – нужно похоронить их так, как они этого заслужили».

«В Кинсленде перед погребением покойнику ломали дубиной кости, ноги подгибали к подбородку, а живот набивали камнями. Все тот же страх перед мертвыми заставлял некоторые народности замуровывать склепы наглухо, заколачивать гробы, класть на грудь покойника тяжелые каменные плиты».

* * *

На Западе, начиная по крайней мере с XVI века, возрастает страх быть погребенным заживо, то есть стать жертвой летаргического сна. Этот страх был распространен в Анжу в XVII веке и во всей Европе в XVIII веке. Этот страх оказался живучим, и живые боялись не только быть заживо похороненными, но и тех, кого похоронили раньше, чем они умерли. Мне рассказывали, как в Сицилии

лет двадцать назад в одной семье по вечерам все собирались вместе и молились, перебирая четки, за упокой души одного родственника, который, вероятно, был погребен будучи в летаргическом сне.

Еще большие меры предосторожности полагались в отношении самоубийц. В Древней Греции им отрубали правую руку. Их уход из этого мира рассматривался как ненависть к жизни и к живым.

Уже в нашу эру на Западе тело самоубийцы не выносили из дома – его выбрасывали через окно или, как это делалось в Лилле в XVII веке, «под дверь рыли проход и через него проталкивали тело, лицом к земле, словно падаль». Этот акт проклятия напоминает таким образом, что смерть пагубна. Кюре Тьер пишет, что в Перше обязательно отбеливали белье, которым пользовался перед смертью покойник. Делалось это для того, чтобы он не позвал за собой тех, кто будет пользоваться этим бельем после него. По этой же причине гроб с телом покойника не ставили на стол, а на скамью или пол, «иначе в доме кто-нибудь умрет в том же году».

Приведенный выше ритуал по отношению к самоубийцам имеет двойной смысл. Что касается географии происшествия, то этот ритуал направлен на то, чтобы воспрепятствовать виновнику этого происшествия вернуться в дом, именно поэтому тело выбрасывается в окно или протаскивается под дверь лицом вниз. Церковь, в свою очередь, рассматривает человека, добровольно ушедшего из жизни, как грешника, не заслуживающего отпущения грехов. Он изгоняется из христианского братства, и делается это демонстративно. В сущности, перед нами снова один из многочисленных случаев христианизации дохристианских или нехристианских обычаев.

Точно так же в прибрежных районах издавна бытует поверье, что погибшие в море, не найдя последнего пристанища на земле, продолжают бороздить воды недалеко от рифов, погубивших их. В Бретани это поверье, зафиксированное еще в IV веке нашей эры, продолжало жить и в середине XX века в районе мыса Бурь и залива Мертвых. По общепринятому мнению, погибшие в море обречены на вечное скитание, поскольку Церковь не молится за них.

Еще в 1958 году в Уессане был зафиксирован такой случай. Молодой священник, пытаясь спасти тонущего ребенка, погиб, и тело его так и не нашли. В «Телеграмме Бреста» была описана инсценированная церемония его «погребения». «В доме погибшего на столе был помещен белый восковой крест –

знак христианства, который символизировал утопленника. На головном уборе был положен небольшой крестик в обрамлении зажженных свечей. Перед ним в сосуде со святой водой стояла самшитовая ветвь. С вечера началось ночное бдение». «На следующее утро за телом пришел священник, несший крест. Поручитель почтительно вынес головной убор с крестиком, который символизировал саван. Следом шли родные и близкие погибшего».

«Похоронная процессия медленно двинулась к церкви. Маленький крестик переложили на катафалк, и началось отпевание. В конце службы священник поместил восковой крест в ларец, расположенный на алтаре усопших в поперечном нефе. Церемония закончилась».

В былые времена, если в море встречался корабль с мертвым экипажем, то следовало прочитать молитву «Почийте в мире» или же отслужить по ним службу. Очевидно, что в этом случае мы имеем дело с христианизацией древнего поверья о призрачных кораблях и ночных лодках «с мертвыми гребцами». Голландцы, например, верили, что во время штормов можно увидеть проклятый Богом корабль, капитан которого за грехи наказан тем, что обречен на вечное скитание по северным морям.

Во Фландрии XV века под видом веры в переселение душ бытовало поверье, что чайки – это души умерших злодеев, обреченных на вечное движение, холод и голод. Мицкевич, устами одного из своих персонажей, говорит о муках окаянной души, обреченной на вечное скитание с нечистыми духами...

Во Франции было распространено поверье в «ночных прачек», которые до скончания века должны по ночам стирать белье. Это наказание они получили за детоубийство или за то, что недостойно похоронили своих родителей и работали по воскресеньям.

* * *

Обобщая, можно сказать, что особым призванием к скитаниям «после смерти» обладали те, кто не снискал благодать смерти и, следовательно, совершил переход от жизни к смерти неестественным путем. Такие покойники плохо интегрированы в новый мир, находятся, так сказать, не в своей тарелке. Сюда же следует отнести еще одну категорию кандидатов в привидения. Тех, кто умер в момент «переходного ритуала» из одного состояния в другое, – это

умершие в утробе дети, необвенчанные жених и невеста и т. п.

Польский этнолог Л. Стомма, работавший над историческими документами своей страны XIX века, изучил случаи, когда покойники, по убеждению их близких, стали демонами, то есть привидениями.

В этой весьма интересной статистике выделяется категория мертвых младенцев, умерших до крещения. В общем, они составляют 38,6 процента и утопленники – 20,2 процента. Следовательно, существовала связь между верой в привидения и трагическим обрывом переходного ритуала. В более общем смысле эту связь можно отнести к точке в пространстве или во времени, служащей границей перехода из одного состояния в другое. Так, по статистике Стомма, в более 95 процентах случаев превращения покойников в демонов они были похоронены на обочине дороги, пустыря или поля или на берегу озера. В 90 % случаев их призраки появляются в полдень, полночь, на восходе и закате солнца.

Потусторонний мир

Из книг Э. Дюрвилля «Призрак живых» и Ш. Ланселена «Выделение человеком астрального призрака по собственной воле»

Случаи «раздвоения» человека чрезвычайно многочисленны для всех времен и у всех народов, и рассказы о них переплетаются с историями о привидениях, призраках и мертвецах. Старинное шотландское предание гласит, что каждый человек имеет своего двойника на земле, который может являться к нему в знаменательные случаи жизни и в особенности в час смерти.

Просматривая «Жития святых», а также процессы колдунов конца Средних веков, читатель с удивлением находит значительное число вполне достоверных случаев раздвоения, как у религиозных мистиков, так и у колдунов. Сточки зрения самого явления эти случаи тождественны: те и другие вызваны были одним и тем же – страстным желанием, но побудительная причина этого желания у мистика-созерцателя совсем другая, чем у колдуна, который переполнен ненавистью и жаждой мести.

В современном обществе, где колдун исчез, а религиозный человек не имеет уже той веры, которая помогала его предшественникам совершать чудеса, случаи раздвоения еще более многочисленны, чем в прошлые века. Объясняется это, конечно, тем, что теперь их лучше наблюдают, и в особенности обилием спиритических и оккультных журналов, которые собирают и изучают эти случаи, так как находят в них подтверждение своим теориям или по меньшей мере серьезные аргументы в доказательство последних.

Если раздвоение живого человеческого организма возможно, хотя бы в мало известных условиях и только у редких людей, нельзя ли исследовать его опытным путем в различных видах? Исследование это, конечно, возможно. Известно, что вообще раздвоение совершалось у мистиков, когда они, погруженные в глубокое размышление, впадали в нечувствительность к возбуждениям внешнего мира; с другой же стороны, во время магнетического сна и в некоторых аналогичных состояниях наблюдаются у людей иногда странные явления, в особенности узнавание фактов, совершившихся на далеком расстоянии, – необъяснимое явление, если не предположить передачи чего-то от спящего субъекта в место и в час совершения явления.

Раздвоенной части человеческого тела давали различные наименования. Наиболее известные: двойник, астральное тело, призрак, флюидическое тело, тень и пр. Из различных этих наименований три первых вполне соответствуют идее раздвоения. Первое было бы наилучшим, если бы не давало повода к смешению, так как его можно смешать с эфирным двойником, который имеет лишь относительное значение в явлении раздвоения. Выражение «астральное тело» равным образом подходяще, но экстериоризованное астральное тело почти всегда заключает в себе и эфирный двойник, который служит ему орудием, и мысленное (ментальное) тело, которое есть душа его. Из остальных названий наиболее отвечающим цели следует признать слово «призрак».

* * *

Везде дух соединен с материей. Это соединение существует на каждом плане (сфере), где малейшая частица имеет материю для тела и дух для жизни. Мысль есть субстанция, а тело ее состоит из астральной материи.

Чаттерджи

ясно говорит об этом:

«Но то, что с одной точки зрения есть жизнь, может быть формой с другой. Всякая вещь, поскольку она форма, – уничтожается; поскольку же она сила или жизнь, она будет продолжать свое существование. Возьмем для примера человеческое тело; здесь наиболее грубая форма, это – та материя, твердая, жидкая и газообразная, которую вы видите перед собой. Эта форма оживотворяется непосредственно силой, которая есть растительная жизнь, иначе – эфирный элемент. Этот эфирный элемент есть жизнь по отношению к грубому физическому телу. Разбейте соединение грубых элементов: эфирное начало переживет их. И хотя это переживание длится не долго, для ясновидящего оно, тем не менее, очевидно. Следовательно, эфирное тело есть жизнь по отношению к физическому телу, но оно же и форма по отношению к последующему началу, т. е. астральному телу. Эфирное тело уничтожается, астральное продолжает жить. Когда же астральное тело уничтожится, в свою очередь, ментальное, по отношению которого астральное являло форму, сохранится как жизнь и т. д. Один и тот же элемент одновременно и жизнь, и форма, жизнь – относительно низшего начала и форма – относительно высшего. Ибо во вселенной все вибрация: никакой разницы, по существу, между теми или другими началами. Они – жизнь или форма; мужское или женское; положительное или отрицательное – смотря по тому, с какой точки на них смотришь. Когда одна вибрация прекращается, продолжается другая, более тонкая... С самого верха и до самого низа лестницы бытия форма уничтожается, а жизнь сохраняется».

По учению индусов, все более и более подтверждаемому новой наукой, человек – существо сложное, включающее в свой состав несколько тел.

Различные тела человека представляют собою лишь одежды, в которые облечена душа, подлинный человек, «я» (ego), бессмертное начало,

составляющее нашу индивидуальность. Этим тел у вполне развитого человека семь. Только четыре из них, составляющие нашу временную личность, доступны нашим исследованиям при современном состоянии наших знаний. Начиная с более грубого, наиболее наружного и наименее важного, так как душа покидает его первым, и кончая тончайшим, которое представляет как бы рубашку, снимаемую после всех других одежд, эти тела суть:

1. Физическое тело,местилище физиологических функций: пищеварения, дыхания, усвоения, кровообращения, движения.

2. Эфирное тело,местилище жизненной энергии, рассматриваемой исключительно с физиологической точки зрения, есть как бы архитектор, который строит физическое тело и заботится о поддержании его.

Тело это составляет дубликат физического тела; в качестве такового его вообще называют эфирным двойником или просто двойником. Большинство теософов принимают его за составную часть физического тела, даже как бы составляющую одно целое с последним, так как оно обитает на том же плане и не может никогда покинуть его. Вне тесного соединения этих двух физических частей нашего существа эфирный двойник рождается лишь за несколько дней до физического тела и переживает его только несколькими днями. Этот двойник есть «линга шарира» теософов Индии, который служит медиумом, посредником между физическим телом и астральным.

3. Астральное тело – обиталище чувствительности, воображения, животных страстей и маловозвышенных вожделений. Оно мыслит, но более чувственно, чем рассудочно. О нем можно сказать вместе с Паскалем: «Сердце рассуждает безрассудно». Через его посредство происходят столь оспариваемые явления телепатии, наши видения во сне и большая часть случаев с привидениями. Это «преддух» спиритов, «чувственная душа» древних философов. Оно также обиталище того, что современные психологи называют низшим сознанием, бессознательным или подсознанием. Теософы Индии называют его телом желаний, телом камическим или кама-рупа.

4. Ментальное тело (тело мысли) есть обиталище воли, разума, благородной и возвышенной мысли. Оно хранит наши воспоминания и приобретенные нами знания. Это – мыслящее «я», разумная душа древних философов (аніма римлян, психея греков), в нем совершаются все явления сознания. Размышление, суждение, решения, постановления принадлежат к его области. Это высшее

начало, которое управляет всеми нашими функциями, руководит всеми нашими разумными действиями. Теософы называют его манас низший, низший – относительно манаса высшего, пребывающего в причинном (каузальном) теле, которого я не касаюсь здесь.

* * *

Умирая, физическое тело разлагается, и душа удаляется с тремя другими своими одеждами. Эфирное тело тоже скоро умирает и распадается на части. На это вообще требуется не более 4–5 дней, и душа, облегченная и более свободная, удаляется с двумя тончайшими телами, астральным и ментальным, которые остались у ней. Астральное тело живет вообще гораздо дольше и долговременность его существования меняется, смотря по степени эволюции души. Оно живет недолго у людей, которые побороли свои страсти, чтобы вести благородную и возвышенную жизнь; у людей же, которые всегда были рабами своих страстей, оно живет продолжительно. Но час смерти наступает и для него, как и для предыдущих; душа, освободившаяся, удаляется в теле мысли, которое составляет последнее ее одеяние, чтобы проявиться в новом и значительно лучшем состоянии, чем предыдущие. Жизнь мысли, очень короткая и почти бессознательная у малоразвитых людей с долгой астральной жизнью, длится, наоборот, очень долго у более развитых людей, астральная жизнь которых была короткая. Астральная жизнь есть очистительное состояние, а жизнь мысли есть как бы небесная жизнь религиозно настроенных людей, с тою только разницей, что как бы длительна она ни была, она никогда не бывает вечною. Приходит роковой момент, когда вся ее энергия бывает истощена, и вот тело мысли, где она была заключена, умирает и распадается, в свою очередь.

Душа, достаточно развившаяся, вступает тогда в полное владение собою, с полным сознанием своего прошлого и будущего. Она видит как свои земные существования, так и тот путь, который ей надо пройти, чтобы достигнуть совершенства, состояния, которое нас вполне освобождает, поднимая нас выше планов, где колесо перевоплощения непрерывно увлекает нас к рождению и смерти. Видя основу, на которой будут ткаться ее будущие существования, пользуясь опытом своего прошлого, душа может в некоторой степени изменить эту основу соответственно своим вкусам, намерениям и способностям. Затем, снова влекомая к земле желаниями, которые ей надо исполнить, и повинувшись законам перевоплощения, она снаряжается и снова воспринимает тело мысли, затем тело астральное и, наконец, эфирное и физическое тела, чтобы возродиться на земле с единственной целью продолжать свое развитие.

Эти тела, орудия души, служат последней для проявления на различных планах природы. Тела физическое и эфирное обитают на физическом плане и никогда не покидают его; область астрального тела – астральный план, а тела ментального – план мысли.

* * *

Из четырех перечисленных мною тел человека три, хотя и материальны, невидимы в обыкновенных условиях нашего физического существования, по крайней мере для большинства из нас. Я должен сказать прежде всего, что эфирный двойник и астральное тело почти всегда смешивают. Для того чтобы уметь различать их, мы должны знать свойства и особенности, известные или предполагаемые, каждого из этих тончайших тел. Вот главные:

I. Двойник или эфирное тело. Эфирный двойник ясно виден подготовленному глазу, он имеет серо-фиолетовый цвет: мутный или чистый, в зависимости от того, грубым или очищенным является плотное тело. Это благодаря эфирному двойнику жизненная сила – прана – перемещается по нервам тела, что и позволяет им действовать в качестве носителей двигательной силы и обеспечивает их чувствительность к внешним воздействиям. Но ни физическая, ни эфирная нервные субстанции не являются вмещением мыслительной и двигательной способностей, равно как и способности чувствовать, поскольку они являются действиями «Я», проявляющегося в своих внутренних телах; его проявление на физическом уровне становится возможным благодаря перемещению дыхания жизни вдоль нервных волокон и вокруг нервных клеток.

Когда приходит смерть, в особенности если физическое тело ослаблено долгой болезнью или измождено старческой дряхлостью, теряя силы удержать физическую жизнь, – двойник экстериоризуется и попадает под воздействия напряженных чувств некоторых умирающих. У большинства последних он возбуждает настоящий ужас, так как они постоянно видят около себя беспокойного призрака, который не покидает их и которого они почти никогда не признают за своего двойника. Некоторые умирающие не видят, но чувствуют его. Они вполне сознают, что кто-то возле них лежит рядом, почти всегда с левой стороны.

II. Астральное тело тоньше, нежнее, чем предыдущее, серо-голубоватого цвета красивых, нежных оттенков, которые быстро меняются под влиянием волнения. У человека развитого и у людей, развивавших это тело со специальной целью, – прежних колдунов – оно очень хорошо организовано и значительно сложнее, чем физическое тело. Оно имеет чувства, соответствующие физическим чувствам, но способные отзываться на более быстрые вибрации, что придает им большую чуткость и силу.

Это – орудие души на астральном плане в первую нашу стадию в потустороннем мире, после физической смерти; это также ее орудие во время нашего сна, а иногда, хотя реже, в некоторых неопределенных состояниях между сном и бодрствованием.

Астральное тело может предстать перед другими людьми вне своего физического двойника как во время земной жизни его владельца, так и после нее. При определенных обстоятельствах эти астральные образы могут видеть даже те, кто еще не развил в себе астральное зрение. Если физическая нервная система человека перенапряжена, а физическое тело – ослаблено (например, болезнью), то жизненная энергия в нем пульсирует слабее, чем обычно; при этом возрастает зависимость нервной деятельности от эфирного двойника, что резко повышает ее чувствительность. В таких условиях человек может на время стать ясновидящим. Например, мать, которая знает, что ее сын, находящийся где-то за границей, тяжело болен, и силы которой истощены беспокойством о нем, может стать восприимчивой к астральным вибрациям, особенно в ночные часы, когда жизненная энергия снижается до своего минимального уровня; если же и ее сын тоже думает в это время о ней, а его физическое тело погружено в бессознательное состояние, то его астральное тело может перенестись к ней, и вполне возможно, что она увидит его.

Чаще всего такие перемещения случаются сразу после того, как астральное тело будет исторгнуто из физического «смертью» последнего. Подобные феномены возникают довольно часто, особенно тогда, когда человек страстно желает увидеть кого-либо, с кем его связывают узы любви, или же если он стремится передать кому-то определенную информацию, но умирает, не успев осуществить это стремление.

Составленное из более тонкой материи, чем тело физическое, астральное тело прозрачно. Это свойство его подтверждается народным поверьем, по которому тело у призраков не отбрасывает тени и сквозь него можно видеть находящиеся

позади призрака предметы. Бывают исключения, когда очень сгущенный астрал притягивает к себе материю с физического плана, чтобы вполне материализоваться и принять совершенный вид живого человека, чему имеются многочисленные примеры в житиях святых.

Призрак бывает вообще одет, как обыкновенно одевается физический человек; но иногда он появляется, закутанный в флюидический газ.

Он может показываться в различных формах, и теософы утверждают по этому поводу, что в большей части спиритических материализаций экстериоризованный астрал медиума принимает форму проявившегося существа. Они не отрицают возможности сообщений между жителем астрального плана и медиумом, но они утверждают, что сообщения эти весьма редко бывают, да и то, говорят они, ничто не доказывает, что они действительно обусловлены присутствием человека, так как на астральном плане имеются существа, никогда не жившие на физическом плане, которые тем не менее могут проявляться на нем.

III. Ментальное тело. Все теософы согласно описывают его блистающим ярким светом с чрезвычайно нежными оттенками, которые медленно меняются.

Это – орудие души на плане мысли, когда она покинула астральное тело. Мысленное тело образуется постепенно под влиянием мысли, в особенности если последняя благородна и возвышенна; и по мере того, как образуется тело, оно увеличивается в объеме, т. е. растет.

Разум начинает ощущать присутствие некоторых вещей из его собственного мира, как бы непосредственно вступая в контакт с ним. Здесь не нужны никакие особые органы, чтобы видеть, слышать, осязать, обонять и определять вкус; все те колебания, которые мы воспринимаем здесь через посредство определенных органов чувств, в том мире воспринимаются во всей своей полноте непосредственно разумом, если он способен улавливать их. Тело мысли ощущает их все одновременно, то есть постоянно чувствует все то, что оно вообще в состоянии ощутить.

План мысли, рассматриваемый как местопребывание души, со своим телом мысли в качестве орудия, называется дэвачан у теософов (христианский рай), а житель этой высшей области – дэвачани.

Дэвачани, т. е. умерший на земле, пребывая в дэвачане, где он пожинает плоды своей земной работы, наслаждаясь заслуженным им счастьем, никоим образом не может сообщаться с земным планом. И если в чрезвычайно редких случаях происходит действительное сообщение между дэвачани и очень развитым человеком, то это значит, по утверждению тех же теософов, что тело мысли последнего во время сна его физического тела поднялось до дэвачани, видело его, вдохновилось его мыслями и передало своему физическому мозгу воспоминание своих впечатлений. Но они не говорят, может ли тело мысли человека показываться другому человеку не во сне. Весьма вероятно, что если тело мысли может покидать астрал для одиночного путешествия, то только человек с психической культурой, значительно превышающей обычное высокое развитие, способен видеть его.

Это утверждение теософов, что тело мысли может переноситься в рай, не ново. Об этом говорится во втором Послании ап. Павла к Коринфянам, гл. XII, ст. 2, 3 и 4.

«Знаю человека во Христе, который назад тому четырнадцать лет (в теле ли – не знаю, вне ли тела – не знаю: Бог знает) восхищен был до третьего неба. И знаю о таком человеке (только не знаю – в теле или вне тела: Бог знает), что он был восхищен в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать».

* * *

На основании вышесказанного и других аргументов, которых я не привожу здесь, можно, следовательно, утверждать, что во всех почти случаях в живом человеке имеются два невидимых тела, которые могут иногда быть видимы: это тело эфирное и тело астральное.

Видимые проявления этих тончайших тел человека, т. е. то, что можно назвать видениями, всегда носили различный наименования: тени, мертвеца, призрака, двойника или астрала, причем люди не думали о том, кто проявлялся – эфирный двойник или астральное тело.

Проявления человеческого призрака чрезвычайно многочисленны при наступлении смерти. Нить астральной материи соединяет физическое тело с душой, которая сознает, что эта связь готова разорваться навсегда. Тогда душа,

в большинстве случаев, делает большие усилия, чтобы известить о том тех, кого она любит, в особенности если ей надо передать им важное сообщение. Этот момент должен быть тяжелым и мучительным для нее, особенно если она недостаточно еще развилась, чтобы не переоценивать земные блага. Этим, конечно, объясняется частая передача сообщений в момент смерти.

Душа, облеченная наружно своим астральным телом и, быть может, эфирным, устремляется с быстротой молнии к близким людям, чтобы известить их о том, что происходит или уже произошло. В эти последние минуты присутствующие люди, если они достаточно чувствительны, услышат проявление, увидят его или, по крайней мере, интуитивно почувствуют происходящее. Если призрак недостаточно материализовался, чтобы быть видимым для присутствующих, последние могут быть предупреждены об этом нежданном посещении так называемыми телепатическими явлениями, каковы – перемещение предметов, необычные звуки, ощущения зрительные, осязательные или слуховые, сообщения мысленные, предчувствия, сны или уведомления, если люди спят, и другие ощущения, не воспринимаемые посредством физических чувств, которые теософы и оккультисты относят к астральной области.

Было опубликовано много подобных случаев, наблюдавшихся в условиях, исключающих всякую возможность ошибки.

Ужасы ночного мрака

Из книги Ж. Делюмо «Ужасы на Западе»

Непременной сообщницей привидений всегда была ночь, которая стала постоянной составляющей страха. Ночь была самым удобным временем для врагов рода человеческого, готовящих ему погибель как физическую, так и нравственную. Уже в Библии говорится о мраке, который поглотит цивилизацию, а судьба каждого из нас иносказательно предрешена в терминах света и тьмы, то есть жизни и смерти.

Слепец, который не видит «света дня», предвкушает смерть. На исходе дня появляются зловещие твари и те, кто ненавидит свет, – прелюбодеи, воры, убийцы. Даже слепые, которые никогда не видели дневного света, начинают проявлять беспокойство с наступлением темноты. Это доказывает то, что наш организм живет в ритме космоса.

С точки зрения методологии было бы полезно различать страх в темноте и страх темноты. Страх в темноте был присущ первобытным людям, когда ночью они оставались не защищенными от диких зверей и не могли в темноте увидеть их приближение. Чтобы отогнать зверей, представляющих «объективную опасность», они зажигали костер. Из дня в день с приближением темноты страх охватывал людей, которые научились бояться ночных ловушек. Страх в темноте характерен также для младенца, внезапно проснувшегося в ночи. С открытыми глазами, охваченный ужасом, он, кажется, смотрит продолжение кошмарного сна. В этом случае речь идет о «субъективной опасности».

Именно субъективной опасностью можно в основном объяснить чувство страха, которое люди испытывают по ночам. Для большинства взрослых людей, испытывающих страх в темноте, это чувство связано с ощущением опасности, исходящей от чего-то страшного и невидимого. У В. Гюго есть строки, в которых говорится о неясных шорохах, которые воспринимаются обостренно в предсумеречный час. Ему вторит Мюссе в «Плакучей иве»:

О, как учащенно бьется сердце

в час, когда человек остается наедине с Богом.

Обернешься тайком, и, кажется, мелькнет чья-то тень.

И тогда ужас коснется твоей головы,

словно ветер коснулся верхних деревьев.

С уверенностью можно утверждать, что на основании «объективной опасности», которой люди подвергались ночью, в течение многих веков человечество населило темноту «субъективной опасностью». И таким образом страх в темноте постепенно превращался в более общее понятие страха темноты. Но существуют также другие причины, объясняющие страх темноты и которые зависят от нашего физического состояния. Зрение человека более острое днем, чем у многих животных, например кошек и собак, не приспособлено к ночному

видению. Поэтому в темноте человек более безоружен, чем млекопитающее животное. Кроме того, при отсутствии света у человека усиливается воображение, при этом более легко, чем при свете, происходит смешение реального и фиктивного. Верно также и то, что в темноте мы не можем наблюдать за собой и другими, и таким образом это время более благоприятно для дел, которые днем невозможны по причине страха или совести: неслыханная удаль, преступления и т. п. Наконец, без света человек остается в изоляции, его охватывает тишина и чувство незащищенности.

Вот комплекс причин, которые объясняют чувство беспокойства, появляющееся у человека с наступлением темноты, а также желание и старания нашей урбанистической цивилизации продлить день при помощи искусственного освещения.

* * *

В известной пословице утро вечера мудренее не потому, что ночь темна, а потому, что она дает время для размышления перед принятием решения. Во многих пословицах содержатся сетования на темноту: ночь темна «как не знаю что»; или опасения попасть в ловушку: «ночь, любовь и зелье – это зло и яд». Ночь – это сообщница злодеев: «добрые люди любят день, а злые – ночь», «ночью выйди, так увидишь и угрюмого монаха, и оборотня». И, наоборот, в пословицах воспеваются Солнце: «Солнце несравненно», «Где Солнце светит, там ночь бессильна», «У кого Солнце, тому ночь не страшна», «Бессмертен тот, у кого Солнце».

Моряки встречали восход Солнца с надеждой на спасение после ночи испытаний. У Камюэнса есть строки: «После страшной бури, черной ночи и ураганного ветра на рассвете безоблачного дня появилась надежда достичь родной гавани. Солнце рассеяло черный мрак в наших душах». То есть ураган должен был утихнуть с наступлением дня. На земле ночь тоже приносит тревогу. В «Сне в летнюю ночь» Пирам восклицает:

«О ужасная ночь! Цвета твои черны! О ночь, везде, где краски не видны! О ночь!
О ночь! Увы! Увы! Увы!»

Даже для образованных людей ночь населена опасными духами, которые смеются над заблудившимися путниками. Ночью появляются самые лютые звери,

смерть, призраки, а именно, призраки окаянных душ. В той же пьесе Шекспира есть описание ночи: «Когда двенадцать раз пробьет в ночи», наступает нечеловеческое время, «рычит лев, волк воет на луну, в то время как работяга храпит в своей постели, утомленный дневным трудом. Факелы мигают и гаснут, ухает сова, предвещая несчастному больному белый саван. В этот ночной час раскрываются могилы, выпуская призраков, которые бредут дорогами церкви».

И наоборот, с наступлением зари земля вновь принадлежит живым: «С ее приближением призраки, бродившие в ночи, толпой возвращаются на кладбище; окаянные души, покоящиеся на большой дороге или в пучине вод, возвращаются на изъеденное червем ложе. Из страха, что днем станет видна их вина, они избегают света и остаются навечно повенчаны с чернолобой ночью».

Для старушек, которые коротают зимние вечера, рассказывая друг другу истории, собранные в «Евангелии для пряжи», дурные сны не являются психическим явлением. Дурные сны приходят извне, они навязываются спящему загадочным злым существом по имени Кокемар (на юге Франции – Старая Шош). Причем это имя употребляется то в единственном, то во множественном числе, и тогда прослеживается связь между этим персонажем и оборотнями. Говорит другая старуха: «Если у человека судьба быть оборотнем, то и сын его станет таким, а дочь станет Кокемар».

Этому вторит еще один рассказ сборника о том, как следует остерегаться «умерших душ, домовых и Кокемар или оборотней, так как они приходят невидимыми». Таким образом, существа, приносящие дурные сны, собраны без особого разграничения в одну категорию – домовые, оборотни, привидения. Кумушки имеют на вооружении множество советов и рецептов, как избежать ловушки этих существ.

Говорит одна девица: «Тот, кто ляжет в кровать, не подвинув стул, на котором сидел, когда разувался, того в эту ночь потревожит Кокемар».

Расторопная Перрет говорит, что Кокемар больше всего боится котелка с кипящей водой. На что другая отвечает: «Кто боится, должен поставить перед очагом дубовую скамеечку. Кокемар сядет на нее и до зари не сможет встать». Еще одна уверяет, что она «избавилась от Кокемар, собрав в ночь на святого Иоанна 8 стебельков, сделала из них четыре крестика и положила их в четыре угла кровати».

Напротив, одна из собеседниц, которую раньше никогда «не беспокоили домовые», не знает, как избавиться от Кокемар. Но она слышала, что якобы Кокемар приходит к тому, кто по пятницам доит корову со стороны задних ног.

Следует предельно четкий рецепт: «Совершенно точно, – говорит одна девица, – если кто хочет избавиться от Кокемар, то должен скрестить руки на груди, а кто боится домовых, тот должен надеть рубашку задом наперед».

* * *

Ад, в свое время описанный и обрисованный сотни раз, представлен Данте и его последователями как место, «где солнце молчит, где текут черные реки и даже снег теряет свою белизну». Общеизвестно, что Сатана – властитель тьмы – выдумывает самые страшные пытки для устрашения и мучения окаянных душ. И. Босх, вслед за автором «Божественной комедии», неисчерпаем в этой тематике. Даже такой гуманист, как Г. Бюдэ, наследник греко-римской традиции путешествий в ад и христианского взгляда на сатанинские силы, считает их достоянием беспросветной ночи. В мышлении того времени это было общепринятым местом. Когда Г. Бюдэ говорит об аде, он называет его «мрачным Тартаром», находящимся на дне самой глубокой пропасти, или «ужасной и мрачной пещерой», или же «страшной и темной каторгой, Стиксом, похищающим людей». Он описывает также «бездонные колодцы», где вечно томятся богатые и бедные, старцы и молодые и даже дети, глупцы и мудрецы, ученые и неучи. Для него так же, как и для его современников, Люцифер – «князь тьмы», «хозяин мрачного притона», «Эринии, обитающие во тьме» (последнее определение заимствовано у Гомера).

Ночь всегда была на подозрении, поскольку была повязана с дебошами, воровством и убийствами. Тем более строгое наказание несли те, кто преступал законы ночью или в безлюдном месте, поскольку жертве труднее было защититься или позвать на помощь.

И в наше время уголовный кодекс рассматривает темноту как «отягчающее обстоятельство». Впрочем, связь между темнотой и преступлением признавалась всегда. Согласно опросу, проведенному в 1977 году, 43 процента жителей городов со сотысячным населением и 49 процентов жителей Парижского района считают отсутствие освещения одним из факторов личной небезопасности. В Сен-Луи, штат Миссури, после осуществления обширной

программы по освещению города угоны автомобилей уменьшились на 41 процент, а кражи – на 13 процентов.

Т. Деккер, английский поэт эпохи Возрождения, дает описание лондонской ночи времен Елизаветы и Карла I со знанием дела и без прикрас:

«Преступники, слишком трусливые, чтобы показаться днем, ночью выходят из своих укрытий. Лавочники, целый день с хмурым или отсутствующим видом убивающие время за прилавком, теперь украдкой спешат в таверну, откуда возвращаются шатаясь, а некоторые сваливаются в канаву. Подмастерья, несмотря на данные при найме обещания, устремляются в кабачок. Молодожены избегают брачного ложа. Вокруг констебля, задержавшего пьяницу, собираются зеваки. На улице появляются «ночные бабочки», которые останутся там до полуночи. А если ночь достаточно темна, то и блюститель нравов осмелится зайти в публичный дом или к куртизанке. Повивальные бабки крадутся темными улицами, чтобы принять роды незаконнорожденных и тут же умертвить их. Ночь становится тем более опасной, что городская стража с громким храпом спит на перекрестках. Впрочем, их можно унюхать еще издалека, потому что они наелись луку, чтобы не заболеть простудой. Так вот, зло может не беспокоясь отплясывать в ночном городе, а волокиты у дверей таверны показывать фигу заснувшим стражникам».

Даже в XVIII веке в Париже, где основные артерии города освещались 5500 фонарями, ходить по темным улицам было небезопасно. В 1718 году вышли «Наставления путешественникам», изданные Немцом, в которых он пишет по этому поводу:

«Никому не советую выходить ночью в город. Несмотря на пешую и конную стражу, которая патрулирует город с целью предотвратить беспорядки, многое остается скрытым. Сена, пересекающая город, скрывает в своих водах убитых, которых она выносит на берег ниже по течению. Ночью нельзя останавливаться на улице, а лучше вообще возвратиться домой засветло».

* * *

Итак, враг рода человеческого использует ночь, чтобы ввести в искушение людей, которые теряют в темноте стойкость. Поэтому раньше в городах считалось необходимым, чтобы ночной стражник делал обходы, вооружившись

лампой, колокольчиком и собакой. По словам Т. Деккера, это были часовые города, блюстители нравов, честные наблюдатели, предотвращающие ночные происшествия, они были подобны сигнальному огню на борту корабля, служившему проводником и средством безопасности морякам в беспросветной тьме. Они обходили город и часто предотвращали пожары. Следовательно, каждый заинтересован лично в том, чтобы слушать их советы и следовать им. Поскольку ночь враждебна душе и телу, она является преддверием смерти и ада. Колокол ночного стража это уже похоронный звон:

Мужи и дети, женщины и девы!

Не поздно никогда по правде жизнь прожить.

В тепле останьтесь спать, закройте крепче двери,

Огромная утрата – невинность потерять.

А в полночь пировать – потерь не сосчитать!

Бесчинства слуг хозяев разоряют.

Когда же вы услышите сей колокола звон,

Подумайте, что ваш последний час настал —

Вот он!

В этом заунывном ночном лондонском песнопении можно увидеть, насколько велик тысячелетний страх человека перед необузданной тьмой.

Потусторонний мир. Богиня мрака и демоны ночи

Богиней мрака является Геката. Еще в Древней Греции ее считали покровительницей тьмы, ночных кошмаров, мести, разврата и колдовства. Богиня имеет устрашающий облик, на ее голове вместо волос развеваются змеи. По ночам Геката устраивает ужасную, дикую охоту, свора ее гончих псов бежит среди могил и призраков.

Гекате молятся отвергнутые влюбленные и убийцы. Она внушает, как готовить отвары для приворотов и яды.

Но Геката имеет и другие облики: днем она предстает перед людьми как суровый судья, а утром – как олицетворение духовности и в этом облике Геката помогает философам и ученым, «выводит души» людей из Царства мертвых к свету и любви. Таким образом, Геката связывает два мира: живых и мертвых. Она и мрак, и свет одновременно.

В древности изображения Гекаты ставились на перекрестке трех дорог. В Римский период Гекату называли Тривией («трехликой»). Бывали храмы и в честь лишь одной из ипостасей Гекаты, поскольку трудно обычному человеку осознать триединство любого бога вообще.

В более поздние времена Геката считалась женским воплощением дьявольских сил и противопоставлялась христианской Троице. Гекате поклонялись приверженцы сатанинских культов, ей приносили в жертву черных собак, возжигали черные же свечи или чадящие факелы на черных рукоятях. Курили благовония – белена, могильный барвинок, часто смешанные с кровью жертвы. Время ритуалов Гекаты – первый и третий часы после полуночи, предпочтительно первые два и последние два дня Луны. Место ритуала – перекрестки заброшенных или безлюдных дорог или троп, кучи камней, острова на болотах.

В демонологии ближайшими помощниками Гекаты считались инкубы и суккубы.

Инкубы – ночные демоны, принимающие мужской облик (от лат. *incubare* – «лежать на»); суккубы – демоны, принимающие женский облик (от лат. *succubare* – «лежать под»).

Описание ночного посещения инкуба имеется в «Золотой легенде» Якоба Ворагинского: когда св. Эдмунд, после долгих ночных штудий, «внезапно заснул, забыв перекреститься и подумать о Страстях нашего Господа, дьявол налег на него, и так тяжело, что он ни одной рукой не мог перекреститься и не знал, что делать, – однако, по милости Бога, он вспомнил о его благословенных Страстях, и тогда враг потерял всю свою силу и упал с него» (Житие св. Эдмунда).

Существовали представления о крайней агрессивности инкубов (так, Тома из Кантемпре утверждает, что инкубы атакуют женщин даже в исповедальне; по Лютеру, излюбленное место засады инкубов – вода, где они, приняв вид водяных, совокупляются со своими жертвами и зачинают потомство) и о смертельной опасности сношений с ними. Английский монах Томас Вальсингам рассказывает ок. 1440 г., что одна девушка умерла три дня спустя после того, как «осквернил ее дьявол», от страшной болезни, которая раздула ее тело, как бочку; Цезарий Гейстербахский повествует о женщинах, одна из которых поплатилась жизнью за дьявольский поцелуй, а другая – всего лишь за пожатие руки невидимого инкуба (Диалог о чудесах, 164).

Инкубы имеют необычную физическую природу: их половые члены изображались раздвоенными или похожими на змею. Обитают инкубы, по мнению Готфрида Монмутского (XII в.), «между луной и нашей землей». От связи ведьм и инкубов рождаются *malefici*, «монстры»; ребенок некой Анжелы де ла Барт имел голову волка и хвост змеи.

Многие неординарные личности эпохи Средневековья и Возрождения считались отпрысками инкубов и обычных женщин. Авторы «Молота ведьм» Шпренгер и Инститорис объясняли это следующим образом: дети, рожденные от демонов, часто бывают сильнее и лучше обычных: это объясняется тем, что «демоны могут знать силу излитого семени», выбирать наиболее благоприятное время для соития и подбирать наиболее подходящую женщину. Однако таким образом рождаются преимущественно злодеи, хотя и выдающиеся.

Знаменитый «Роберт Дьявол», герцог Нормандии, отец Вильгельма Завоевателя, прославившийся своей невероятной жестокостью, считался порождением демона и герцогини Нормандии. Разновидностью истории о Роберте Дьяволе можно считать английский роман XV в. «Сэр Гаутер». Молодая женщина имеет связь с демоном, явившимся ей под кустом орешника в обличье «благородного лорда»; он сам предупреждает свою жертву, что зачатый от него ребенок будет дик и жесток, и ребенок действительно проявляет свирепый нрав с самого рождения: он иссушает груди всем своим кормилицам, так что за девять месяцев умирают девять нянек. Став взрослым, он совершает массу злодеяний, например, сжигает в церкви монахинь.

Что касается суккубов, то они, в соблазнительном женском образе, часто искушали святых отшельников. Английский отшельник Ричард Ролли (XIV в.) сам описал посещение суккуба: однажды ночью к нему в постель пришла «очень

красивая женщина, которую я видел раньше и которая сильно любила меня самой благородною любовью»; Ролли, боясь, что она заставит его согрешить, был готов вскочить с постели, осенить себя крестным знаменем и испросить благословения Святой Троицы для них обоих, но она держала его так крепко, что он не мог ни пошевелиться, ни говорить. Ролли понял, что ночная посетительница была «не женщиной, но дьяволом в облике женщины», произнес про себя: «О Иисус, как драгоценна твоя кровь!» и пальцем сделал знак креста у себя на груди: демон тут же исчез.

Связь с суккубом могла длиться целыми десятилетиями. Так, священник-колдун Бенуа Берн, сожженный в возрасте восьмидесяти лет, признался, что жил с демоном по имени Гермiona сорок лет; при этом демон оставался невидимым для окружающих (Ж. Бодэн. «О демономании ведьм»).

Инкубы и суккубы нередко принимают облик умерших. В истории, рассказанной в XIII в. Уолтером Мепом, к некому рыцарю вернулась его мертвая, недавно похороненная им жена; она предложила ему остаться с ним до тех пор, пока он не произнесет некое проклятие. Рыцарь прожил с воплощенным дьяволом несколько лет вполне счастливо, и суккуб даже родил ему детей, однако в один прекрасный день рыцарь в забывчивости произнес фатальное проклятие, и демон исчез.

В истории, рассказанной польским автором XVII в. Адрианом Регенвольсом (имела место в 1597 г. в Вильно), некий юноша (Захария), получив от родителей любимой девушки (Бьетки) отказ в ее руке, впал в меланхолию и удавился, но через некоторое время явился к возлюбленной со словами: «Я пришел, чтобы выполнить свое обещание и жениться на тебе». Бьетка, несмотря на то, что она прекрасно поняла, с кем имеет дело, согласилась. Состоялся форменный брак, но без свидетелей: ведь все близкие Бьетки знали, что Захария умер...

Князь тьмы и его слуги

Из книги Ж. Делюмо «Ужасы на Западе»

Сатана не раз изображался в раннем христианском искусстве и наскальных фресках. Одно из самых ранних изображений Сатаны в церкви Бауит в Египте (VI в.) представляет его в виде ангела, безусловно падшего, с обломанными ногтями, но не страшного и с легкой иронической усмешкой на устах. На страницах Библии Св. Грегуара Назианского – это обольстительный искуситель, на росписях некоторых восточных церквей того же времени – падший герой, Люцифер, любимое Божье создание, в то время не считался еще отталкивающим чудищем.

Первый большой «дьявольский взрыв» произошел на Западе в XI–XII вв. Сатану начинают изображать с горящим взором, огненными волосами и крыльями (Апокалипсис Сен-Севера), пожирателем людей (Сен-Пьер де Шовиньи), огромным демоном (у Отэна), или как, например, в Везелэ, Муассаке или Сен-Бенуа на Луаре, исчадием ада, который пытается и мучает людей.

Если раньше это был абстрактный богословский образ, то теперь он конкретизируется. Задолго до Данте по Европе ходили фантастические рассказы об адских муках. Некоторые из этих рассказов пришли с Востока, как, например, «Видения св. Павла», которые датируются не позднее IV в. Оказавшись за пределами Земли, апостол неверных приходит к воротам царства Сатаны. Во время своего ужасающего путешествия он видит мертвые деревья с висельниками на ветвях, адское пекло, реку, в которой тонут грешники, а степень их погружения зависит от тяжести совершенного греха, наконец, бездонную пропасть, из которой поднимается зловонный дым.

Некоторые детали «Видения св. Павла» встречаются в ирландских легендах, в частности в «Видениях Тангдала», ужасам которых не позавидовали бы персонажи «Божественной комедии». В безумных картинах этого северного ада есть описание огненного озера и ледяного озера, чудищ, пожирающих души скупых и неверных, зловонные болота, кишацие отвратительными жабами, змеями и прочими тварями.

Впечатляющим свидетельством «нового ужаса» являются малоизвестные фрески церкви небольшого городка Сан-Джиминьяно. Тадео ди Бартоло (1396 г.) изобразил ад, в центре которого расположился Люцифер, огромного роста, с чудовищной рогатой головой, сжимающий мощными ручищами смехотворных маленьких грешников. В этом царстве ужасов черти вытягивают кишки у завистников, выворачивают наизнанку скупых, не подпускают чревоугодников к богатому всяческими яствами столу, бичуют прелюбодеев и сажают на кол

неверных жен.

В книге «Великолепный часовник герцога де Берри» (Франция, начало XV в.) описание некоторых картин ада также заимствовано из «Видения Тангдала»: огромный Люцифер с короной на голове пожирает души грешников, заглатывает и исторгает их вместе с клубами дыма и пламенем.

Во Франции муки ада начинают появляться в монументальном искусстве в середине XV в. Э. Маль приводит примеры (их список, конечно, далеко не полный) описаний ада с заимствованиями из «Видения св. Павла» и ирландских легенд. Таким представляли себе ад художники, сделавшие росписи в Сен-Маклу в Руане, в Нантском соборе, в церквах Нормандии, Бургундии и Пуату. Некоторые детали просто поразительны: черти-кузнецы поднимают огромный молот над наковальной, составленной из человеческих тел, лежащих друг на друге мужчин и женщин; грешники, привязанные к огромному колесу; осужденные на адские муки грешники, корчащиеся под капающим на их головы расплавленным свинцом, живые висельники на дереве и т. п.

Но наивысшей жестокости кошмар ада достигает в безумном мире И. Босха. В Страшном суде в Вене и в Брюгге, в триптихе в Прадо, где боковые створки изображают райские кущи и ад, безумие и сатанинское зло изображаются с садистской разнузданностью. В Вене, во фрагменте ада, черт с птичьей головой и длинным клювом несет в корзине за спиной осужденного на муки грешника. Другой черт несет на плече палку, к которой ногами и руками пригвожден грешник. Один грешник осужден навеки крутить ручку огромной шарманки, другой – распят на гигантских размеров арфе. У Сатаны на голове тюрбан, горящий взор, пасть дикого зверя, крысиный хвост и лапы, а вместо живота – пылающая печь. Он ждет грешников в окружении жаб.

Ж. Балтругайтис, прибегая к сравнению, убедительно показал, что в европейской иконографии дьяволиада была наполнена восточными мотивами, которые производили еще более ужасающее впечатление. Из Китая на Запад приходят орды чертей с крыльями летучей мыши и женской грудью. Появляются также драконы с перепончатыми крыльями, большеухие единорогие великаны.

В «Искушении святого Антония» раскрывается еще одна сторона сатанинской серии – по аналогии с Буддой, медитирующим у подножия дерева и подвергающимся искушениям духа зла и силам ада. Как и христианский отшельник, он подвергается двойному испытанию – его хотят и запугать, и

ввести в соблазн. Он должен противостоять бесформенным великанам, сыплющимся на него стрелам, адскому гаму, мраку и потопу, но, с другой стороны, – девам с обнаженной грудью, которые знают тридцать два колдовских способа женских чар. В изобразительном искусстве Востока эта сцена встречается достаточно часто, на Западе она дополняет историю св. Антония, известную также по сюжету «Золотой легенды».

Вот так приумножались «Искушения», которые затем изображались Босхом, Мандином и др. с буйной фантазией в забавных и чудовищных деталях. В большом триптихе в Лиссабоне Босх изображает отшельника, который противостоит бесовским чарам, видя перед собой кувшин на ножках и покрытую древесной корой старуху, из которой растет сельдерей, старика, поучающего обезьяну и гнома, гонца, бегущего на коньках по песку. Там также присутствует ведьма, наливающая эликсир жабе, лежащей на цветке, обнаженная молодая женщина, спрятавшаяся за засохшим деревом, на ветвях которого развевается алое полотнище, стол с яствами, за которым сидят девы и отроки, приглашающие Антония присоединиться к ним. Дьявол-искуситель пытается бесстрастного отшельника всевозможными проделками: пытается его запугать, помутить его разум, искусить земными наслаждениями. Все напрасно. У Босха св. Антоний олицетворяет христианскую душу, сохраняющую бесстрастность в царстве Сатаны, который расставляет все новые и новые ловушки...

Искушения св. Антония можно было бы назвать мучениями св. Антония, потому что вражья сила искушает и одновременно пытается человеческую душу. Она смущает сон, устрашает видениями, по выражению авторов «Молота ведьм», «видениями во сне и наяву». Впрочем, бес может покуситься не только на земные блага и самого человека, он может вселиться в строптивного человека и стать его двойником.

В «Молоте ведьм» приводится исповедь одержимого бесом священника:

«Как только я хочу прочитать молитву или посетить святые места, я теряю рассудок... [Тогда бес] вселяется в меня, во все члены и органы – шею, язык, легкие – чтобы говорить и кричать, когда ему заблагорассудится. Конечно, я слышу, как он говорит моим языком, но ничего не могу поделать. И чем больше мое желание произнести молитву, тем большее насилие он совершает надо мной».

В известном в Германии XV в. сочинении «Сети дьявола» действующее лицо – отшельник, противоборствующий Сатане, который владеет многочисленными способами, чтобы развратить людей. Здесь та же озабоченность чистотой морали, что и у Босха в саду блаженства (в триптихе Прадо). В этом ложном земном раю бьют источники молодости, в которых плещутся белые и черные красавицы, с ветвей свисают дивные плоды, цветут такие нежные и восхитительные цветы, что можно подумать, будто это персидская миниатюра. Все это создает атмосферу блаженства. Но элементы смешного и неприличного напоминают, что это всего лишь бесовский обман. Существо со странным лицом смотрит на крысу и двух милующихся влюбленных под стеклянным колпаком. Слева сидит сова – сатанинская птица. Справа обнаженный человек падает в бездну. Эта центральная часть триптиха обрамлена, с одной стороны, истинным раем, раем Адама и Евы, который навеки утрачен, с другой – адом, в котором мучаются заблудшие в земных наслаждениях души.

Другое название «Сада блаженства» – это «Сказочная страна. Но счастья нигде нет, оно призрачно, подобно шутовскому празднику».

* * *

В эту эпоху, а также позднее существовало два различных представления о Сатане: одно народное, второе, более трагическое, элитарное. О первом можно судить по показаниям на суде. Судебные документы свидетельствуют, что в Юре и Лотарингии дьявол в простонародье назывался не так, как в Библии, а имел другое имя – Робин, Пьерасет, Грпэн и т. д. Только в Ажуа (епископат Баль) в период 1594–1617 гг. было известно около 80 наименований демонов. Нередко они вовсе не были черными (что характерно для Сатаны), а зелеными, синими, желтыми. Эти цвета были присущи древним божествам лесов Юры.

Таким образом, дьявол располагался в одном ряду с божествами, и его можно было умиловить и сделать добрым. Ему делались подношения, а затем искупали содеянный грех в церкви. И в наше время так еще поступают горняки из Потози: они совершают культовый обряд Люциферу – подземному божеству, но периодически приносят покаяние в виде пышного крестного хода в честь Богородицы.

Но еще св. Августин в свое время старался доказать язычникам, что добрых демонов не существует. Св. Фома, Суарез (XVII в.) и многие другие солидарны со

св. Августином в том, что демоны приговорены к бытию в аду и выходят оттуда, чтобы искушать людей. Они живут в потустороннем мире, рядом с нами. Кальвин тоже говорит о духах, которые и есть демоны.

Бестелесные в сущности, они, тем не менее, очень опасны. Образу Люцифера— персонажу церковного Страшного суда – вторит его описание, данное в XI главе Книги Иова и в копии этого произведения, сделанной Мальдонадо

. Вот как описаны Бегемот и Левиафан:

«Зверь премного ужасный и размерами туловища, и жестокостью. Его сила заключена в почках, а добродетель в пупе. Хвост его тверд подобно кедру, его гениталии перекручены, кости словно колонны, а хребет острый как лезвие. Его клыки наводят ужас; все его тело покрыто чешуей словно чеканными монетами. Он недоступен и защищен со всех сторон».

Со времен первородного греха это прожорливое чудовище захватило Землю и стало хозяином падших людей. Беруль поясняет:

«Сатана, будучи победителем в замкнутой сфере земного рая, отнял у Адама его вотчину и присвоил себе титул властителя – власть над миром, которая должна принадлежать человеку. И без конца он его искушает, не давая душе человеческой покоя, поскольку она находится в пределах царства Сатаны, которым он незаконно завладел».

Иногда ему удастся завладеть телом человека. Если до грехопадения Сатана мог превращаться в змия, то теперь он вселяется в человека, и тот становится бесноватым. Во всех богословских произведениях, когда речь идет о демоне, прослеживается доктрина, согласно которой выражения «князь этого мира», «князь поднебесья» можно понимать буквально. Лютер заверяет нас, что «мы подвластны дьяволу так же, как и Господу Богу». И добавляет: «Телом мы подвластны дьяволу, мы странники и гости в мире, где дьявол является князем и богом. Хлеб, что мы едим, питье, что мы пьем, одежды, что мы носим, и даже воздух, которым мы дышим, – все плотское в этой жизни в его власти».

Три четверти века спустя Мальдонадо тоже утверждает, что «нет на Земле другой такой власти, которая сравнилась бы с его властью». Следовательно,

«кто может противостоять дьяволу и плоти?» Мы не можем устоять даже перед самым малым грехом. Лютер, задаваясь этим вопросом, вторит тексту из Книги Иова: «Для демона железо не прочнее соломинки, он не страшится никакой силы на Земле». Подобное возвеличивание власти Сатаны устраивало Церковь и служило подтверждением веры, постулирующей беззащитность человека перед кознями Лукавого. Поэтому Кальвин проповедует, что сражаться в одиночку с дьяволом, таким сильным и искусным воителем, это просто безумие.

«Те, кто собирается сразиться с ним, полагаясь только на свои силы, не представляют, с каким врагом они имеют дело, насколько он силен и ловок в борьбе, насколько он вооружен. А потом мы просим освободить нас от его власти, как от пасти голодного и свирепого льва, готового растерзать нас ногтями и зубами и проглотить».

* * *

Итак, «начиная с колыбели человечества между людьми и дьяволом идет постоянная война». Католические и протестантские богословы сходятся в том, что враг неустанно тщится напакостить своей несчастной земной жертве. Мальдонадо пишет: «Существуют три сферы, где дьявол может проявить свою власть: духовная, телесная и внешняя». Иначе ничто во Вселенной не может укрыться от влияния властителя ада и злых гениев. Следует знать, что демоны воздействуют тремя способами – «непосредственно локальным воздействием», опосредованно «путем превращения активных вещей в пассивные, что признается всеми богословами» и «ослеплением и обманом чувств».

Что касается локального воздействия, то в действительности демоны не могут изменить порядок Вселенной, «поколебать и изменить или помешать естественному ходу небес». Но все это они способны сделать с низшими телами, находящимися в подлунном мире, который подвластен ангелам, а также демонам. В этой сфере нет такого тела, сколь бы обширным и большим оно ни было, которое бы демоны не смогли переместить. В этом и заключается «локальное воздействие», в результате которого в мгновение ока одна вещь подменяется другой.

Что касается превращения активных вещей в пассивные, то Дель Рио

объясняет это так:

«Путем превращения или изменения вещей они часто творят чудеса, природа которых естественна, но нам неведома. Демонам известны сущность всех естественных вещей, все их особенности, наилучшее время превращений, наконец, все ухищрения и лукавство. Поэтому не стоит удивляться тому, что случаются сверхъестественные вещи, невозможные без дьявольского вмешательства, но которые совершаются посредством естественных способов и приспособлений. Такие творения, однако, не выходят никогда за рамки природы».

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/zigmund-freyd/ya-nichego-ne-boyus-identifikaciya-uzhasa>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)